

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.344

Хозяйственно-экономические и социокультурные основания социальной дифференциации сельских семей

П. П. Великий, В. Л. Шабанов

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов

Шабанов Виктор Леннарнович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, vic35@inbox.ru

В статье рассмотрены факторы жизнедеятельности сельского населения, которые влияют на его социальную дифференциацию. Обоснованы методологические перспективы применения субъективного критерия оценки потребительских возможностей, более точно по сравнению с объективным монетарным критерием отражающего социальную дифференциацию сельских семей. Проанализированы различия в структуре повседневности между благополучными и депривированными сельскими домохозяйствами. Определены факторы благополучия сельских домохозяйств, среди которых – наличие работы у трудоспособных, направление занятости, ориентиры на рост семьи. Структурообразующие компоненты культуры выделены, опираясь на индивидуальные и групповые действия по приспособлению к ситуациям в среде обитания, вызванным глобальными и локальными изменениями.

Ключевые слова: сельское домохозяйство, ЛПХ, занятость, социальная структура, социальная дифференциация, доходы, финансовые возможности.

Поступила в редакцию: 01.05.2020 / Принята: 12.05.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Economic and Socio-Cultural Foundations of Rural Families' Social Differentiation

P. P. Velikiy, V. L. Shabanov

Peter P. Velikiy, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>, Institute of Agrarian Problems of Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia,

Viktor L. Shabanov, <https://orcid.org/0000-0002-0129-8238>, Institute of Agrarian Problems of Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia, vic35@inbox.ru

The article discusses the factors of vital activity of the rural population, which affect its social differentiation. The methodological prospects of applying the subjective criterion for evaluating consumer opportunities are justified. In comparison with the objective monetary criterion, the subjective criterion reflects the social differentiation of rural families more accurately. The differences in the structure of everyday life between well-off and deprived rural households are analyzed. The well-being factors of rural households were determined. These factors include the availability of work for able-bodied people, the direction of employment and focus on family growth. The structure-forming components of culture are distinguished on the basis of individual and group actions to adapt to situations caused by global and local changes.

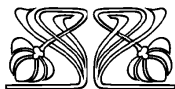
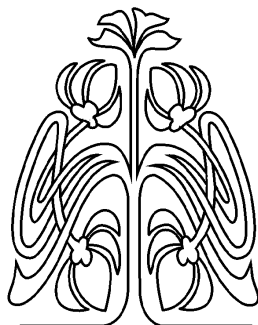
Keywords: rural household, private subsidiary farms, employment, social structure, social differentiation, income, financial opportunities.

Received: 01.05.2020 / Accepted: 12.05.2020 / Published: 31.08.2020

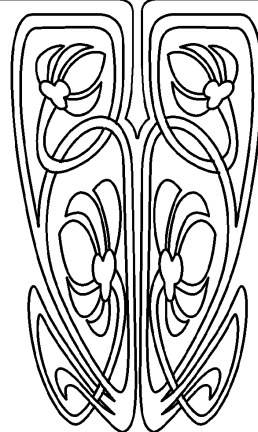
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256>

© Великий П. П., Шабанов В. Л., 2020

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Современные сельские реалии оцениваются неоднозначно. Политики и бюрократия государственных органов, ответственных за разные стороны функционирования деревни и АПК, дают восторженные отзывы о роли сельского социума в обеспечении продовольственной безопасности страны. Однако, хотя сельское хозяйство выполняет свои функции, жизнь сельских сообществ переполнена проблемами, замкнутыми как на порядок хозяйствования, так и на состояние всего жизненного пространства, быт, возможности реализации духовных потребностей. В силу сложившихся подходов далеко не все факторы, детерминирующие состояние и перспективы жизни деревни, попадают в поле анализа ученых. Такое невольное утаивание сути ее подлинных реалий чревато консервацией подходов к проектированию стратегий будущего. В реальности в деревне, как большой части общественного организма страны, резко увеличивается доля социально и экономически неустроенных слоев, имеющих временную, сезонную занятость молодежи, потерявшей надежду на работу по профессии.

В настоящей статье использованы данные социологического исследования в Московской, Саратовской областях и Республике Татарстан, проведенного авторами в 2019–2020 гг. Формализованный опрос проходил по месту жительства респондентов. Выборка квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) муниципальных образований и по размеру сел, а также с учетом зоны проживания – ближняя, средняя и дальняя периферия по удаленности от областного (республиканского) центра. Объем выборки – 365 респондентов. Анкета включала 110 вопросов – открытых и закрытых. Используются статистические данные Росстата по занятости, доходам и бедности, а также микроданные «Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств» и «Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением» (2014–2018 гг., Росстат).

Сельское подворье нельзя рассматривать вне связи его с формализованными хозяйственными структурами, действующими с ним в одном локальном пространстве. Общим правилом является совместность содержания большого ЛПХ и занятости одного-двух членов семьи в местной сельскохозяйственной организации. Поэтому методическая задача сводилась к выбору критериев и индикаторов дифференциации.

Целью настоящей статьи является уточнение критериев и способов измерения благополучия сельской семьи. В более ранних наших публикациях мы, привязывая благополучие в основном к уровню производственного потенциала ЛПХ, рассмотрели различия между группами семей¹. Было выделено четыре группы хозяйств ЛПХ, описаны общие и специфические черты

их жизнедеятельности. Анализ показал целесообразность выделения групп, находящихся на полюсах по развитости подворий и предпосылкам поддержания роли их в обеспечении благополучия. Этот подход мы сохраняем и сейчас, акцентируя внимание на субъективных ощущениях индивидом своего состояния, что методологически вполне оправданно. Действительно, субъективистский подход в большей степени ориентирован на объяснение социального поведения индивидов, поскольку их образ жизни, их возможности и лишения (депривации) в различных сферах определяются не одними только доходами. Так, индивид, имеющий достаточно высокие доходы, может оказаться депривированным из-за специфики своих расходов, определяемой, например, завышенными долями лекарств, спиртного, каких-либо услуг². Использование единого критерия при определении успешности осложнено многомерностью данного понятия и невозможностью свести его к одному формальному показателю, например доходу, который, будучи наиболее агрегированным, прямо или косвенно характеризующим благосостояние, статус, потребление индивида, тем не менее, не раскрывает всей полноты понятия «успешность». Использование дохода для оценки успешности наталкивается не только на концептуальные, но и на методические возражения.

Согласно методике Росстата, доходом индивида считается простое среднее арифметическое суммы доходов всех членов его семьи (домохозяйства). Невзвешенный характер среднедушевого дохода означает, что каждый член домохозяйства, независимо от возраста, входит в расчетную формулу среднего арифметического с одинаковым весом, равным 1. Это упрощает статистическое наблюдение, но игнорирует объективные различия в потреблении детей, пенсионеров и представителей средневозрастных групп и не учитывает влияния размера семьи на обеспечение ее потребления. Согласно Росстату, величина прожиточного минимума трех названных социально-демографических групп различается на 10–31%,³ отражая их разные потребности, и это должно было бы учитываться при расчетах среднедушевого дохода путем присваивания неодинаковых весов индивидам, составляющим домохозяйство. Что касается влияния размера семьи, то существуют исследования, в которых доказывается, что финансовое обеспечение многих базовых потребностей будет обходиться дешевле большим семьям⁴. Например, количество использованных коммунальных услуг – отопления, электричества, газа – растет медленнее, чем размер семьи: с появлением каждого нового человека в семье, особенно в одном и том же жилище, использование коммунальных благ возрастает незначительно. Также известно, что большие семьи существенно экономят семейный бюджет, осуществляя мелкооптовые покупки там, где се-

мьи меньшего размера и особенно одиночки покупают товары в розницу⁵. Все это ведет к тому, что фактический среднедушевой доход в больших семьях оказывается выше, поэтому логично рассчитывать его взвешенным способом.

С другой стороны, не существует сколько-нибудь достоверных и точных данных о том, насколько сильно влияние размера семьи на фактический среднедушевой доход, тем более что оно существенно различается по странам, и принцип взвешивания, принятый в большинстве европейских стран, нельзя в точности переносить на Россию. Это может, вопреки цели, только усилить погрешность. Так, специфика России – низкая эластичность индивидуальных расходов на многие блага (такие как питание, одежда, транспорт, лекарства и т. д.) в общем бюджете семьи. В этой связи применение наиболее популярных в мировой статистике шкал эквивалентности ведет к явному завышению реальной величины среднедушевого дохода⁶.

В связи с этим будем определять успешность индивида на основании его субъективного ощущения благополучия – через самостоятельное позиционирование в совокупности своих финансовых (потребительских) возможностей. Подобная совокупность из шести возможностей, упорядоченных по возрастанию, в неизменном виде присутствует в статистических наблюдениях Росстата, по крайней мере, с 2004 г.⁷ Будем соотносить благополучие и депривированность с двумя полярными смыслами, первый из которых определяется двумя наибольшими возможностями («средств достаточно для покупки всего, что нужно» и «средств достаточно на еду, одежду, товары длительного пользования, новый автомобиль, но не на квартиру, дачу»), второй – двумя наименьшими («средств не хватает даже на еду», «на еду хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно»). Согласно расчетам по микроданным обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата по итогам 2018 г., удельный вес благополучных (в текущей трактовке) индивидов в сельской местности составлял 7,5%, депривированных – 31,9%.

Оценим далее, насколько благополучными воспринимают себя сельские семьи с различными социально-демографическими характеристиками.

Прежде всего, отметим, что размер сельской семьи слабо влияет на ощущение благополучия: в благополучных и депривированных сельских семьях выборочной совокупности – соответственно по 2,54 и 2,22 человека. При этом размер семьи является важным фактором благосостояния, определяемого объективным способом – через простой среднедушевой доход: по материалам бюджетного обследования Росстата, среднедушевой денежный доход сельского домохозяйства, состоящего из 1 человека, составляет

25,4 тыс. руб. в месяц и последовательно уменьшается до 11,4 тыс. руб. в месяц и ниже для домохозяйств из 5, 6 и более лиц⁸.

Самоощущение многодетных и особенно неполных сельских семей в сфере собственных финансовых возможностей крайне негативное: среди них доли благополучных составляют 5,9 и 1,4%, в то время как депривированных – 40,7 и 42,3%. Эти два показателя – многодетность и неполнота семьи – являются факторами депривированности независимо от используемой методики определения финансовых возможностей – объективной или субъективной.

Наличие детей в сельской семье является значимым фактором только при анализе «объективного благосостояния», но не при оценках «субъективного благополучия». Так, среднедушевые доходы семей с детьми до 16 лет и без детей различаются в полтора раза, составляя 13,3 и 20,2 тыс. руб. в месяц, в то время как уровень благополучия в обеих категориях семей довольно близок и составляет 7,5 и 6,3%. Число детей до 16 лет в подвыборках благополучных и депривированных семей почти совпадает и равно 0,56 и 0,58 в среднем на семью.

Однако ситуация существенно различается, когда речь заходит о детях разного возраста. Сельские семьи, в которых только что появились дети, более благополучны: доля благополучных среди них составляет 11,1%, а среди депривированных – 6,2% (при доле благополучных семей во всей сельской выборке 6,7%). Ситуация постепенно меняется по мере взросления детей: доли благополучных и депривированных среди семей с детьми 3–6 лет различаются слабо – 7,6 и 6,6%, а среди семей с детьми 7–14 лет такое же слабое различие «разворачивается» – 6,0 и 6,9%. Этот «разворот» более явно выражен при переходе к абсолютному показателю числа детей в семьях. Число детей до 2 лет в благополучных и депривированных семьях составляет 0,17 и 0,10 в среднем на семью, детей 3–6 лет – соответственно 0,16 и 0,15, а 7–14 лет – 0,21 и 0,31 в среднем на семью.

Таким образом, ощущение благополучия в сельской семье повышается с появлением детей, чему способствует не очень заметное на данном этапе снижение семейных доходов и новые эмоции. В дальнейшем расходы на детей, особенно в подростковый период, растут, жизнь семьи усложняется, и это находит отражение в постепенном снижении благополучия и повышении депривированности.

Важный фактор благополучия семьи при использовании любой методики – наличие работы, занятость членов семьи. По выборке доля благополучных и депривированных среди сельских респондентов, имеющих официальную работу, составляет 10 и 4,5%; среди благополучных являются занятыми 2/3 респондентов старше 12 лет, а среди депривированных – только 38%.

Помимо самого факта занятости значимыми являются ее вид и направление (табл. 1). Благополучие семьи достигается наличием высокой должности и высшим и средним уровнем квалификации, уходом из «традиционных» отраслей экономики – из сельского хозяйства и промышленности, из сферы обслуживания.

Факт повышенной депривированности занятых в сельском хозяйстве – отрасли, обеспечивающей официальной работой около 20% занятых, – свидетельствует о глубокой пропасти между ускоренным ростом эффективности сельской экономики в последние 15–20 лет и уровнем благополучия сельского населения.

Таблица 1

Распределение занятого сельского населения по направлениям занятости, всего и в рассматриваемых группах, 2018 г., %

Направление занятости	В целом	Респонденты из благополучных семей	Респонденты из депривированных семей
Руководители, специалисты высшей квалификации	25,7	38,2	17,7
Специалисты средней квалификации, документоведы, секретари	16,7	17,7	12,3
Работники сферы обслуживания, ЖКХ, операторы, машинисты	27,5	22,6	33,2
Квалифицированные работники сельского хозяйства, промышленности	14,6	12,1	16,5
Неквалифицированные рабочие	15,5	9,4	20,3
Всего	100,0	100,0	100,0

Кроме основной занятости, в статистических наблюдениях Росстата фиксируются дополнительная и неформальная занятость. Распространение последней в сельской местности гораздо шире, чем в городской: по своей численности она сопоставима с официальной, составляя от нее соответственно 30,5 и 17,1%. Наиболее значительное отличие в структуре сельской неформальной занятости по сравнению с городской состоит в более высоком удельном весе сельскохозяйственных видов деятельности. В сельском хозяйстве работают около 40% от общей численности занятых в неформальном секторе сельских жителей и около 6% городских. В неформальном секторе заняты, главным образом, безработные и те, кто не входит в состав рабочей силы (пенсионеры, инвалиды и др.); доля тех, кто совмещает основную работу с неформальной, составляет 6,2% (в том числе 5,1% по городу и 8,7% по селу). Еще меньше доля тех, кто совмещает основную работу с дополнительной официальной, – 2,2%⁹.

Однако совместительство, особенно с неформальным сектором, несмотря на свой невысокий удельный вес, достаточно четко характеризует различия между выделенными группами благополучных и депривированных сельских семей. Совмещают работу чаще индивиды из депривированной группы; основная работа индивидов, отнесенных к благополучным, более длительная по времени и с более высокой оплатой, делает совместительство (особенно неформальное) для них либо не востребуемым (когда в свободное время предпочитают отдых), либо невозможным (когда свободного времени остается мало). Напротив, массовое совмещение основной работы и дополнительной, особенно в неформальном секторе, использование ЛПХ для

получения доходов, чаще всего натуральных для собственного потребления, является одним из характерных признаков неблагополучия сельского домохозяйства.

Согласно данным бюджетного обследования времени, благополучные индивиды старше 12 лет в среднем тратят на дополнительную работу 59 мин. в рабочие дни и 43 мин. в выходные, депривированные – соответственно 72 и 63 мин. (табл. 2).

Приведенные в табл. 2 данные подтверждают более высокую занятость сельских индивидов из благополучной группы на официальной работе. Это перекраивает структуру их суточных затрат времени в пользу официальной работы и вместе с этим – весь образ жизни, по сравнению с индивидами из депривированной группы. Так, по ряду видов деятельности, связанных с бытом (работа в ЛПХ, ведение домашнего хозяйства, приобретение товаров и услуг), волонтерством, досугом, занятость благополучных индивидов в будни заметно ниже, чем у депривированных, и повышается в выходные дни. В частности, работе в ЛПХ благополучные респонденты в будни отводят существенно меньшее время, чем в выходные, в то время как данные затраты времени депривированных в рабочие и выходные дни различаются незначительно. Это означает, что наибольшая нагрузка по ведению ЛПХ в благополучных домохозяйствах ложится на тех, кто имеет еще и официальную работу, которая, судя по ее весу в бюджете времени, является для них основной и первичной по важности.

В то же время дополнительная и неформальная занятость индивидов из благополучной группы – более эффективна: они посвящают ей больше времени и получают от нее больший доход. Покажем это на примере занятости в ЛПХ,

Таблица 2

Среднедушевые суточные затраты времени сельского населения старше 12 лет из благополучной и депривированной групп на различные виды деятельности, часов-минут на чел. в сутки¹⁰

Виды деятельности	Благополучные		Депривированные	
	Рабочий день	Выходной день	Рабочий день	Выходной день
Основная работа	5-01	2-08	2-22	1-08
Дополнительная работа	0-59	0-43	1-12	1-03
Работа в ЛПХ	0-09	0-27	0-23	0-27
Ведение домашнего хозяйства (приготовление пищи, стирка, уборка и др.)	0-44	1-34	1-26	1-56
Другие дела по ведению быта и воспитанию детей	1-19	0-46	0-50	0-51
Приобретение товаров и услуг	0-14	0-22	0-23	0-18
Общественная, волонтерская деятельность	0-33	0-44	0-50	0-34
Деятельность, связанная с обучением	0-34	0-38	0-36	0-26
Досуг (кроме просмотра ТВ)	0-33	1-07	0-51	1-07
Просмотр ТВ	1-16	1-36	1-40	2-10
Сон, гигиена, уход за собой, пассивный отдых	11-05	12-20	11-53	12-38
Другое	1-33	1-35	1-34	1-22
Всего	24-00	24-00	24-00	24-00

используя материалы обследования бюджетов времени и материалы сельскохозяйственных переписей Росстата.

В целом из всего массива респондентов в ЛПХ работает каждый пятый – 18% благополучных и 22% депривированных; занятые этим видом деятельности тратят на нее соответственно 2 ч и 2 ч 10 мин. Среди них половина – респонденты трудоспособного возраста, имеющие основную работу, около 40% – неработающие пенсионеры.

Однако при более дифференцированном анализе – при переходе от уровня «индивида» к уровню «семьи» – затраты времени на ведение ЛПХ начинают существенно различаться. В целом ведут личное подсобное хозяйство 39% благополучных и 43% депривированных сельских семей. Их затраты времени на ведение ЛПХ составляют: по благополучным семьям 4,5 ч в сутки, а по депривированным – только 3,5 ч. Хотя доля благополучных семей, ведущих ЛПХ, меньше, затрачивают они на него заметно больше времени, обеспечивая больший объем производства и более значительный выход продукции.

В приусадебное хозяйство в последние годы все больше включается работающее трудоспособное население. Именно его усилиями с середины 2000-х гг. возник и оформился тип «малой фермы» – высокотоварного приусадебного хозяйства, ориентированного на мясное и мясомолочное производство. По данным двух проведенных в современной России сельскохозяйственных переписей, за период 2006–2016 гг. количество ЛПХ, которые держат 10 и более голов крупного рогатого скота, возросло в 2 раза, поголовье КРС в них – в 2,3 раза. При общем сокращении поголовья скота в ЛПХ (в частно-

сти, КРС на 53%, свиней на 62%) и уменьшении удельного веса тех ЛПХ, в которых содержится скот (КРС – с 23,6 до 12%, свиней – с 17,3 до 7,1%), в последних произошел заметный рост его поголовья (с 2,9 голов КРС в 2006 г. до 4,5 в 2016 г., с 3,1 свиней до 3,7)¹¹. То есть произошло усиление дифференциации сельских домохозяйств по масштабу и распрямленности сельскохозяйственной занятости и концентрации сельскохозяйственного производства в наиболее крупных и специализированных из них.

Хозяйственно-экономические параметры с большей или меньшей точностью отражают и социокультурную составляющую благополучия сельских жителей. Здесь субъективность оценок акторами своего положения, обусловленная режимом производства, играет первостепенное значение¹².

Идентификация работника с целями фирмы, поиску моделей которой был посвящен весь XX в., значительно деформирована в условиях глобализации экономического порядка XXI в. Усилился управленческий деспотизм, государства не сдерживают практики накопления страсти, владеющей собственностью, и эксплуатации массовых слоев и групп, ставших «новым классом» – прекариатом¹³. Ослаблен демократический потенциал производственных коллективов. В аграрном секторе России это обусловлено двумя процессами. Во-первых, раздробленной структурой хозяйствующих субъектов, включающей множество мелких и незначительное количество крупных организаций (первых 67%, и они имеют среднегодовую численность 15 чел., вторых – 21% с численностью персонала 128 чел.)¹⁴. Если во второй группе еще сохранился социальный потенциал согласования интересов работо-

дателей и наемных работников, то в первой работники не могут рассчитывать на защиту своих прав – там господствуют социально-личностные связи между хозяином и наемным персоналом.

Опасение быть выброшенным из трудовой сферы вносит коррективы в коммуникативные процессы (сведения, информацию и интерпретацию), которые являются базой для избрания критериев оценки реального положения, норм, выбора направлений и способов рационализации действительности. Достаточно сравнить две группы ответов сельских респондентов о положительном и отрицательном восприятии своей работы на всех возможных этапах ее формирования. Такие показатели, как «нетворческий характер труда» выбирают 10,4% респондентов, работающих в коллективном хозяйстве, и 7,9% – у фермера, «плохие условия» – соответственно 6,3 и 21,1%, «не устраивает зарплата» – 14,6 и 21,1%. Одновременно положительные оценки по этим же показателям дали: по характеру труда – 16,7% работающих в коллективном хозяйстве и 28,9% работающих у фермера, по условиям труда – соответственно 29,2 и 26,3%, по зарплате – 16,7 и 31,6%. Можно видеть, что ни крупное хозяйство, ни фермерское не является «лидером» негативного или, наоборот, позитивного восприятия и что положительные оценки респонденты давали охотнее, чем отрицательные. В дифференциации ответов играет свою роль и мера развитости подворья: при хорошем уровне его многие положительные оценки интегрируют позитив крупхоза и ЛПХ. Также социологу в полевом исследовании нужно учитывать феномен приукрашивания респондентом реальных ситуаций из опасения того, что негативные оценки дойдут до непосредственного работодателя и будут иметь для него негативные последствия.

Учитывая все вышесказанное, сделаем некоторые выводы.

Общим правилом считается необходимость иметь достоверное знание о предмете или процессе, чтобы рационализировать их состояние и динамику движения в будущем. Расширение спектра субъективной самооценки своего положения сельской семьей в этом аспекте является необходимым моментом, дающим в распоряжение организаций, ответственных за развитие села, большие возможности для адекватных ответов. Выделение для этого крайних групп домохозяйств полезно как для практик управления с целью решения проблем социальной справедливости, так и для самих семей, которые могут лучше понять упущенные возможности и перспективы развития.

Социокультурные основания дифференциации семей и в целом сельского населения также должны быть расширены по двум направлениям. Во-первых, с позиции инфраструктурных предпосылок благополучия, т. е. совершенствования быта в традиционном его измерении (медицина,

коммунальные удобства, культура свободного времени и др.). Во-вторых, расширенного понимания социального – до пространства организации труда, поскольку самочувствие и духовное состояние большинства работающих, независимо от профиля и уклада предприятия, в современных условиях находятся в режиме вызовов и ограничений.

Модель измерения культуры человека результатами его деятельности на производстве, в принципе, допустимая в благополучном пространстве трудовой деятельности, требует корректировки в условиях, когда почти половина работников страны трудится при несоответствии их образования выполняемой работе¹⁵. Тем более данное измерение не подходит для людей, работающих неполный день (на селе неполный год), перебивающихся сезонными, эпизодическими приработками.

Компенсаторскую роль этому на селе играет семейное хозяйство, которое содержат успешные хозяева подворий. Эта группа невелика, но, будучи полярной, демонстрирует существенное отличие от большинства семей не только по хозяйственно-экономическим результатам, но и по творческому потенциалу, способности к упреждающему поведению относительно изменений. И в целом на селе еще сохраняется значительный контингент творческих, активных людей разных поколений, потенциал которых может быть направлен на выполнение их жизненных устремлений и на большие общезначимые социальные цели. Это признается в публицистической интерпретации, но пока на рассудочном уровне. Аграрная социология к этой теме еще не приступала.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00206).

Примечания

- 1 См.: Великий П. П., Шабанов В. Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11, № 4. С. 105–121. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-4-105-121
- 2 См.: Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социс. 2014. № 1. С. 6–19.
- 3 См.: Российский статистический ежегодник. 2019 : стат. сб. М. : Росстат, 2019. С. 165.
- 4 См.: Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности : российский и международный опыт. М. : М-Студио, 2009.
- 5 См.: Прокопьев М. Г. Потребление продовольствия и эффект масштаба домашних хозяйств // АПК : экономика, управление. 2009. № 2. С. 20–31.

- 6 См.: Шабанов В. Л. Сравнительный анализ концепций абсолютной и относительной бедности применительно к сельскому и городскому населению России // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2019. № 2. С. 91–97.
- 7 См., например: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2018 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) : стат. бюл. М. : Росстат, 2019. С. 71.
- 8 Рассчитано по : Итоги выборочного наблюдения «Обследование бюджетов домашних хозяйств» // Росстат, 2018. URL: <https://obdx.gks.ru/> (дата обращения: 15.02.2020).
- 9 См.: Обследование рабочей силы. 2018 : стат. бюллетень. М. : Росстат, 2019.
- 10 Рассчитано по : Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением» // Росстат, 2014. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html (дата обращения: 15.03.2020).
- 11 См.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года : в 8 т. Т. 1, кн. 1. М. : Статистика России, 2018. С. 122–134.
- 12 См.: Буравой М. Жить в капитализме, путешествовать через социализм // Общественные движения в России : точки роста, камни преткновения / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : ЦСПГИ, 2009. С. 49.
- 13 См.: Тощенко Ж. Т. Прекариат : От протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018.
- 14 См.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Т. 1, кн. 1. С. 12, 122.
- 15 См.: Жизненный мир россиян : 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЦСПиМ, 2016. С. 351.

Образец для цитирования:

Великий П. П., Шабанов В. Л. Хозяйственно-экономические и социокультурные основания социальной дифференциации сельских семей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 250–256. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256>

Cite this article as:

Velikiy P. P., Shabanov V. L. Economic and Socio-Cultural Foundations of Rural Families' Social Differentiation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 250–256 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256>